

A close-up portrait of a woman with dark, wavy hair and light green eyes, looking directly at the camera. The lighting is dramatic, with strong highlights on her face and hair against a dark background.

Я - Кристиана

Анастасия Туран

18+

Анастасия Туран
Я - Кристиана

«Автор»

2026

Туран А.

Я - Кристиана / А. Туран — «Автор», 2026

Кристиана Винтер попадает в больницу после нервного срыва. Полгода назад её бросила лучшая подруга Мария — просто не выдержала тяжести её депрессии. А до этого парень, которому Кристиана впервые доверилась после тяжёлой травмы, распустил о ней грязные слухи. В палате, под капельницей, она считает часы и строит в голове шалаш — убежище, где Мария всё ещё рядом. Единственный, кто приходит в больницу, — лучший друг Игорь. Тот, кто помнит её прежней. Но как жить дальше, если ты не знаешь, кто ты теперь? Если твоё тело — поле битвы, а прошлое не отпускает? Это история о потерянной дружбе, о предательстве и о том, как собрать себя заново, когда тебя разобрали на части.

© Туран А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	6
Глава 3	7
Глава 4	8
Глава 5	9
Глава 6	10
Глава 7	11
Глава 8	12
Глава 9	13
Глава 10	14
Глава 11	15
Глава 12	16
Глава 13	18
Глава 14	19
Глава 15	20
Глава 16	21
Глава 17	23
Глава 18	24

Анастасия Туран

Я - Кристиана

Глава 1

Ночь. Я лежу на больничной койке в палате под номером девять. Трубка, вколота в вену, соединяет меня с пакетом лекарств. Ужасно хочется в туалет, но я под капельницей, так что приходится терпеть. Воняет хлоркой, а во рту сладковатый привкус от лекарств. Простыня сбилась в комок под спиной. Холодный больничный хлопок липнет к телу.

Однако всё, о чём я могу думать, — это о ней. Знает ли она, где я? Что со мной?

Раньше мне нечего было сказать по поводу нее. Ее присутствие в моей жизни никак меня не мотивировало на творчество. Как иронично, что именно ее уход стал той самой мотивацией. Теперь она занимает все мое сознание. Ее голос проник в каждую клеточку моего тела, а слова отдаются гулким звуком в голове каждый день, то ли мотивируя, то ли уничтожая, — этого я пока сама не поняла. Прошло полгода. Это семь месяцев. Двести тринадцать дней. Пять тысяч сто десять часов в мыслях о ней. Мария. Ее зовут Мария. За это время она, казалось, стала мне настолько ближе, насколько не была за все четыре года дружбы. Иногда мне кажется, я бы могла назвать своего будущего ребенка ее именем. Насколько она осела в моей голове, построила там шалаш и сказала, что никуда не уйдет. А я и не против. Ведь так я могу с ней не расставаться.

— Винтер! — услышав свою фамилию, я вздрогнула. Ко мне подошла медсестра. — Я здесь. — Отлично, ты у нас... Кристиана Винтер. Сейчас я уберу капельницу, Кристина, и тебя ждут в процедурном кабинете. — Кристиана... — тихо поправила я медсестру, кажется, она и не услышала или не придавала этому значения. В любом случае я уже привыкла к тому, как коверкают мое имя. Мне уже всё равно, для людей я кто угодно, только не та, кто я есть на самом деле.

Медсестра убирает мне капельницу, и я тихо, чтобы не разбудить никого в палате, следуя за ней в процедурный кабинет. Там меня ждали уколы и забор крови.

После иду в туалет. Открытое окно. Март месяц. Дикий холод. Обнимаю себя двумя руками и захожу в кабинку. Там меня встречает собственное отражение в небольшом зеркале. Опухшее лицо. Мешки под глазами. Спутанные темно-русые волосы. Зелёные глаза.

Когда возвращаюсь в палату, по телу от холода всё ещё бегут мурашки. Залезаю на кровать и, обнимая свои колени, нащупываю шрамы на ногах. Самый большой на коленке — от велосипеда в детстве. Поменьше на голени — от ожога. И наконец встречаю порезы — те самые, которые я сделала, когда она ушла от меня. Нет. Заставляю себя перестать думать о ней. На часах два часа ночи. Я ещё смогу поспать, если захочу.

Глава 2

Уснуть я так и не смогла. Лунный свет просачивался через занавески и не давал спать. А может, я просто не хотела. На соседней кровати ужасно храпела женщина. На другой кровати мирно спала женщина постарше. Ту, что храпела, зовут Евгения, а ту, что постарше, — Александра Сергеевна. Я успела с ними познакомиться вечером, как только поступила в больницу.

Впервые я оказалась во взрослой больнице. За свои двадцать лет я попадала сюда только в детстве. Во взрослой всё иначе. Здесь с тобой никто не церемонится. Нет уголка с игрушками, детскими журналами и телевизором с мультиками. Нет смеха. Нет красок. Нет надежды. Как и во взрослой жизни. Только старость и усталость. Неужели я тоже когда-нибудь буду такой, как эти уставшие от жизни люди? Может, я уже такая. Любой скажет: «Тебе всего двадцать, что ты знаешь о жизни?» А знаю я много. Пожалуй, даже больше, чем мне бы хотелось знать.

Я рассматривала свои руки, смотрела, как сквозь пальцы проникает лунный свет, и думала: «И правда, как же возраст бывает обманчив». В свои годы я чувствовала себя дряхлой старушкой настолько, насколько не каждая дама преклонного возраста смогла бы себя почувствовать. По крайней мере, мне так казалось.

Рано утром ко мне приехал Игорь. Для меня это была маленькая радость, хоть весь разговор я и рассматривала пол в коридоре.

— Спасибо за вещи. Наверное, ковыряться в моих шмотках не самое приятное занятие, но мне правда некого попросить, кроме тебя.

— Да мне несложно. И нет, ковыряться в твоих шмотках — вполне себе интересное занятие, знаешь, как зайти в магазин поглазеть, — усмехнулся он. — Так говоришь, ты тут из-за стресса?

— Не совсем. У меня гастрит. Ну а что его вызвало — может, и стресс...

— Ты как? — его голубые глаза смотрели на меня с сожалением, выжидая.

— Я в порядке, правда. Мне уже гораздо лучше, — вру я. Желудок всё ещё болит, но душа — сильнее. Так, что хочется жить.

— В общаге по тебе уже все скучают, — усмехнувшись, добавил он.

«Как будто кому-то есть до меня дело», — этого я ему, конечно, не сказала. После того, что случилось в общаге, вряд ли обо мне кто-то заплачет.

— Ладно, я пойду, — откашлявшись, ответил он. — Если что — пиши, звони. Звони, пиши.

— Ладно. Игорь, спасибо ещё раз.

Мы обнялись. От него пахло мускусом и уличным холодом. Его рука коснулась моих лопаток. Я обняла его крепче. Он был моим лучшим другом. Той веточкой реальности, которая соединяла меня с прежней версией меня. Как будто через него я могла прикоснуться к себе — к той, кем была до того, как меня разобрали и собрали заново на живую.

Глава 3

Весь этот день я только и делала, что ходила на процедуры и сдавала анализы.

В конце дня мне разрешили сходить в душ. Хотя душем это назвать сложно. Крохотное помещение с огромной ванной на всю площадь. Вдобавок здесь находилось большое зеркало во весь рост. Пахло сыростью и плесенью, она проходила зелёными комочками по всему стояку. Здесь оказалось гораздо теплее, чем в туалете.

Мысленно я ещё раз поблагодарила Игоря за чистые вещи и полотенце, что он мне привёз. Даже стыдно думать, что он копался в моём нижнем белье — ведь его я тоже попросила принести. Наверное, я должна была привыкнуть к стыду уже давно. Так долго я живу в этом чувстве, что, наверное, оно проросло во мне, как эта плесень.

Я сняла с себя неподходящую по размеру чёрную футболку и светлые штаны, оставшись в нижнем белье, избавилась и от него. Я стояла и смотрела на себя через большое зеркало. Смотрела на своё голое тело. И плакала. Горячие слёзы лились по моим щекам, падая на ледяной кафель, на котором стояли мои босые ноги, не боясь подцепить какой-нибудь грибок. Почти каждый раз, оказываясь обнажённой перед зеркалом, мне было сложно сдержать слёз. Моё тело было большим и несуразным, но самое главное — оно было полем битвы. Каждый раз, оказываясь голой, я могла чувствовать его руки на моей груди, шее, бёдрах. Одежда ещё как-то могла скрывать эти ощущения, возвращать мне иллюзию защищённости, но всё заканчивалось, стоило мне оказаться наедине с собой в самом уязвимом положении — обнажённой.

И вот сейчас я сидела на коленках в ледяной ванне. Поливала себя из душа горячей водой — не то чтобы успокоить, не то чтобы наказать. И плакала без остановок, пока не закончила принимать душ. Я тёрла своё тело мочалкой, пока оно не покраснело, пока я не почувствовала первых признаков боли. Всё тщетно. Его слова, его шёпотом: «Это наш с тобой секрет», — всё ещё звучали у меня в голове, не давая почувствовать себя чистой.

Когда я вышла из душа и вся покрасневшая и опухшая от слёз вернулась в палату, меня ждал небольшой букет фиолетовых ирисов на кровати. Фиолетовый — цвет неопределённости и страданий. Любимый цвет моего отца... В детстве он любил покупать мне одежду и вещи этого цвета.

— От кого это? — спросила я соседок по палате.

— Это тебе Игорь просил передать. Приёмные часы заканчивались, и он не дождался тебя.

С ума сойти. Игорь приходил сюда ещё раз. Это вызвало у меня улыбку. Я прижала ирисы к себе. Они сладко пахли. Надеждой. Игорем.

Глава 4

Я прошлась по коридору, нашла у какой-то бабушки пустую бутылку. Налила немного воды, поставила ирисы на подоконник. Пусть радуют глаз.

Ночью я снова не могла уснуть. Так что вместо попыток я слушала музыку. Первой в списке композиций шла The Winner Takes It All — ABBA. А в голове снова Мария. Наш с ней последний разговор. Ошмётки её фраз:

— Послушай, почему ты никогда не уходишь от человека, если он плохо к тебе относится? — спросила меня тогда Мария.

«И правда, — подумала я тогда, — друзья часто могли говорить мне что-то обидное или плохо относиться, но я всегда оставалась». Я словно верный пёс — никуда не уйду, даже если меня выгонят, буду ждать.

— Ты тянешь меня на дно.

Дорогая моя, проблема не в том, что я кого-то тяну на дно, проблема в том, что я себя тяну на дно. Но я её слышала. Она была права. Она правильно сделала, что ушла. Я бы на её месте поступила точно так же.

Правда была в том, что после её ухода я перестала жить. Я целыми днями спала. Сон перестал быть для меня способом отдыха — он стал убежищем. Убежищем от этой жизни. Я ничего не ела. Не потому что морила себя голодом. Просто не хотела. Не хотела есть. Не хотела жить. Не хотела ничего. Я только спала, и вместо снов я получала сонные параличи — потому что организм не может столько спать. Когда я просыпалась, мне было больно ходить ногами, а еду в себя приходилось запихивать насильно. За этот период я похудела на восемь килограмм. А в голове, во снах — Мария, Мария, Мария.

Душ? Я забыла, что это такое. Да и какой в нём смысл — чистой я всё равно не стану. Не было сил даже почистить зубы. Мария часто хвалила мои белые зубы. Что ж, они очень быстро превратились в жёлтые.

В плейлисте заиграла «Тримай» — Христина Соловий, и я вспомнила, что все мои проблемы начались задолго до ухода подруги.

Всё началось десять месяцев назад. Его звали Алан.

Глава 5

10 месяцев назад

Июнь

Я гуляла по скверу около нашего общежития. Помню палящее солнце — его лучи настолько беспощадно палили, что пришлось намазаться солнцезащитным кремом. Я смотрела, как солнечные лучи проникают сквозь мои пальцы, и щурилась. На улице пахло свежескошенной травой и жасмином. На мне было белое платье, которое по бокам обрамляли мелкие цветочки. Мне кажется, тогда я была счастлива. А может, мне просто так казалось. В любом случае сейчас я скучаю по этой беззаботной иллюзии счастья.

Я помню, как присела на лавочку и сорвала маленький одуванчик. Поднесла его к солнцу — и потоки летнего ветра разнесли пушистый шар дальше вверх по небу. В тот день я решила немного погулять без музыки и просто наслаждаться днём. Но в тот самый момент кое-кто решил прервать мою одинокую прогулку. Я заметила, как надо мной возвысился парень. Он спросил:

— Привет, я не местный. Не подскажешь, как пройти в общежитие?— Привет, — с улыбкой ответила я, — конечно, тебе надо пройти прямо по скверу и направо.— Спасибо.— А ты теперь там живёшь?— Да, я студент по обмену на лето. А ты тоже из общаги?— Да, я там живу. Ой, давай я тебя провожу, я всё равно собиралась возвращаться.— Давай, — согласился он, и мы пошли к дому.

Я сразу заметила, как он красив. Высокий, спортивный. Карие глаза светились на солнце и казались почти янтарными.

— Я, кстати, Кристиана.— Как? Кристина?— Нет, — усмехнувшись, ответила я, — Кристиана.— Кристиана. Красиво. Я Алан. — Он протянул мне руку, и я пожала её.— Алан. Ты довольно неплохо говоришь по-русски для иностранца, но всё-таки акцент присутствует.— Как говорится: что есть, то есть, — посмеявшись, ответил он.

Тогда я поняла — это он. Тот, кого я так долго искала. Может, он не моя судьба. Но я точно знала: он — мой первый. Говорят, такие вещи просто чувствуешь. И тогда я почувствовала. Это оно. Если б я только знала, чем это знакомство для меня обернётся.

Глава 6

Утром я проснулась с солёным привкусом на губах. Подушка была мокрой от слёз. Честно, я так и не поняла, по кому плакала — по Марии, по Алану или вообще по этой жизни. За последнее время я выплакала слишком много слёз, чтобы различать их на вкус. Ходила, словно оголённый нерв.

Сегодня меня ждала гастроскопия. Неприятная штука — глотать трубку на голодный желудок. Пришлось пропустить завтрак, и теперь сосало под ложечкой. Врачи сказали, что всё хорошо. Так что скоро меня выпишут.

Сейчас я гуляла по каменным коридорам больницы, где воняло хлоркой. Голова немного кружилась после процедуры, а горло болело. Я всё думала: ждёт ли кто-нибудь меня? Моя семья, конечно, волновалась за меня. Но а друзья? Были ли они у меня? Да. Могла ли я им доверять? Нет.

Мария часто говорила, будто не видит во мне потенциала к чему-то.

— У тебя нет цели, — говорила она. — Ты ни к чему не стремишься.

Я не хотела её переубеждать. Мне было обидно, казалось, друзья — эдакие волшебники — должны чувствовать тебя. Понимать. Видеть. Оказывается, люди не поймут, кто ты, если ты им не расскажешь. А вот рассказать я боялась. Я не боялась, что она меня осудит. Нет. Но я боялась, что она отнимет мою мечту своим неверием. Зачем рассказывать тому, кто в тебя может не поверить? Будучи ребёнком, у меня были мечты. Я горела. Я жила. Во что они всё это превратили? Ни один человек никогда не верил в то, во что верю я. Не смотрел на мир моими глазами. Не слышал меня. Не видел.

Всё, что от меня осталось, — так это моё имя. Казалось, это единственное, что у меня ещё не отняли. Всё, чем я жила и горела, превратилось в опал на дне океана, который я никак не могу достать.

Так было безопаснее. Я даже получала странное удовольствие от того, что про меня так думают. Как будто я бунтарка. А они все — взрослые, правильные, с планами на пять лет вперёд. Хотя всё это ложь.

Во многом люди не знают, чего хотят и куда им идти, но им настолько страшно в этом признаться, что стоит им встретить кого-то «пустого», как они сразу пугаются. Наверное, боятся увидеть в нём себя.

Казалось, единственный, кто действительно видел меня, был Игорь. Он не задавал вопросов, просто слушал и был.

Правда, был один человек, которому я не задумываясь доверила все свои тайны, хотя не должна была...

Глава 7

10 месяцев назад

На следующий день я пригласила Алана к себе. Моя комната выходила на солнечную сторону, так что его профиль всё время освещало солнце. Я могла любоваться его глубокими янтарными глазами — они засасывали меня в пучину его сущности, а я всё никак не могла оторваться. В комнате пахло его парфюмом — сочетанием фруктово-древесных нот. Совсем не так, как у Игоря.

Мы сидели на моей кровати — он по-турецки, я поджав колени к груди — и болтали обо всём на свете. Удивительно, как много у нас оказалось общего. Хотя, может, мне просто так казалось. Сейчас я не могла вспомнить ни одной вещи, которая бы нас действительно связывала. Но тогда я была уверена, что нашла родственную душу.

— Знаешь, я люблю спрашивать у людей, кем они видят себя через пять лет. Это хороший вопрос. Так ты понимаешь, какой человек стоит перед тобой, есть ли у него цели, чего он хочет, — сказал он.

— Ну не знаю, я с этим не согласна. По-моему, это всё чушь. Может, цели и желания действительно определяют человека, но как насчёт того, что ты можешь прожить много лет с одним набором, а потом понять, что всё это просто ложь? И это не то, чего ты на самом деле хотел от жизни. А чего ты хотел — ты ещё не знаешь. Понимаешь меня?

— Да, но ведь у каждого всё равно они есть. В этот момент это определяет человека.

— А может, это ярлык. Может, он хочет совсем другого. Вот ты чего хочешь?

— Я хочу быть тренером по футболу. Это моя мечта. А твоя?

— Это секрет.

— Секрет?

— Да, — я села к нему ближе, — но я тебе его расскажу.

Алан обладал каким-то невероятным даром: под его чарами я становилась разговорчивой и могла легко рассказать всё, что у меня на уме. Я нервничала и теребила край розового пледа.

— Я мечтаю стать писателем, написать много книг. Зарабатывать на этом. Я, конечно, и сейчас пишу, просто никому не показываю. Может, только иногда — моему лучшему другу, его зовут Игорь, он живёт здесь.

— Игорь? Это его имя.

— Да. Так что скажешь по поводу моего секрета?

— Да, это интересно. Но насколько на это можно жить? А если твои книги не выстрелят и ты не сможешь на этом заработать? Для этого надо очень-очень много работать.

— Для этого пока есть время, — улыбнувшись, ответила я. А внутри хотелось рыдать. В горле появился комок, но я продолжала улыбаться и игнорировать свои чувства.

— Знаешь, а я ведь заметил тебя раньше, — вдруг решил перевести тему Алан.

— Что это значит? — в замешательстве спросила я.

— До встречи в парке я видел тебя здесь, в общежитии, но всё боялся подойти. А в парке решился.

— Так ты не потерял дорогу?

— Нет, — усмехнувшись, ответил он.

Я улыбнулась и замерла. Ещё раз посмотрела в его зыбкие карие глаза.

Я впервые кому-то понравилась. И, кажется, впервые кто-то понравился мне. Всё моё естество оторопело под его взглядом. Сердце забилось сильнее. Мне захотелось поцеловать его. Я не хотела, чтобы это заканчивалось.

Глава 8

Из моих размышлений в реальный мир меня вернули уведомления в телефоне от Игоря: «Можно заеду в гости?» Я тут же написала: «Конечно».

Мы сидели у меня в палате — все ушли на процедуры, так что мы остались одни. Он сидел на стульчике около кровати. Отказался сесть на кровать. Словно давая мне пространство для чего-то. Не знаю, для чего. Но мне нравилась его забота. В палате было открыто окно, чтобы проветрить, пока никого нет, так что я накинула серый кардиган. Я сидела около открытого окна и встречала прохладу с лёгкой улыбкой на лице, пока слушала Игоря.

— У меня для тебя сюрприз, — сказал он. — Такой же, как вчера? — я окинула взглядом цветы, что стояли на подоконнике в бутылке. — Тебе понравилось? — с надеждой спросил он. — Да, очень, спасибо, правда. Не часто мужчины дарят мне цветы, — смущённо ответила я. — Ну, надо это исправлять. — Игорь? — Да? — Ты не пытаешься приударить за мной? — Нет-нет, что ты, — смутившись, поспешно ответил он. — А ты... ты бы хотела? — Не знаю, — пожав плечами, ответила я.

А я правда не знала. Игорь был добр, и, казалось, он заботился обо мне. Но ведь этого так мало для отношений. Я должна любить его иначе, чем люблю сейчас. Вопрос в том, была ли я на это способна.

— А, и насчёт сюрприза — это... — он достал из внутреннего кармана пальто два бумажных свёртка, — билеты на концерт Глеба, «Три дня дождя». — О боже, Игорь! — сказать, что я оживилась, — ничего не сказать. — Спасибо огромное! В голове всплыл образ Алана и как песни «Три дня дождя» ассоциировались у меня с ним. Но я постаралась не придавать этим мыслям значения и просто радоваться. — Рад видеть, что ты улыбаешься. Тут уже смутилась я и стала теревить край серого кардигана. — Когда пойдём? — Через две недели. — Круто. — Так ты пойдёшь со мной? — Конечно. — Как камень с души. Ты сейчас так редко куда-то выходишь. — Да. В любом случае спасибо большое, но скажи честно: почему ты решил пригласить меня? — Не с кем было сходиться, вот решил тебя пригласить. — Врёшь, — усмехнувшись, сказала ему я. — Вру, — усмехнувшись в ответ, сказал он.

Игорь был прав. Я совсем редко выхожу из дома. Я словно закрыта под стеклянным куполом и не могу выбраться из своих страхов и воспоминаний. Они вызывают у меня животный страх. Заставляют закрыться в клетке и не покидать её. И снаружи — ни звука. Только его шёпот: «Это наш с тобой секрет». Мне плохо. Так плохо. И я ничего не могу с этим сделать. Просто лечь и позволить этому происходить со мной. Я всё жду, что кто-нибудь придёт и спасёт меня, но вот только никто не приходит. Я закуталась в кардиган плотнее. Как будто он мог защитить меня от меня самой.

Глава 9

Меня выписали. И я возвращаюсь в общежитие. Ирония: место, которое должно было быть домом, стало клеткой. Я мечтала сбежать — куда угодно. Даже обратно в больницу. Настолько мне невыносимо здесь находиться. Настолько я задыхаюсь тут.

Я захожу в холл общаги и сразу ловлю на себе недоброжелательные взгляды ребят, собравшихся на перекур. В наушниках играет «drivers license» Оливии Родриго. Я делаю вид, что не замечаю косых взглядов, и поднимаюсь к себе в комнату.

В комнате меня встречает запах плесени и ароматических палочек с ароматом ванили — они пытаются перекрыть плесень. Безуспешно.

Моя нора. Моя клетка. Мой единственный дом. Место, где я не живу, а выживаю.

За окном — серость. Красные шторы не помогают разрядить обстановку. Пустующая кровать соседки, которая переехала к своему парню. Огромный шкаф, внутри которого явно бегают тараканы. На моей разобранной кровати валяется серый, как погода за окном, плед. Посередине комнаты — стол, на нём компьютер с миллионом заданий. Я никак не могу к ним притронуться. Почему? Не знаю.

Я пыталась жить дальше, делать вид, что всё хорошо. Вот только меня так и тянуло зайти в соцсети и посмотреть на Марию. Узнать, как она и что с ней. Каждый раз меня так злило, что у неё всё прекрасно, судя по фотографиям, а я морально разлагаюсь в своей комнате с тараканами. Я ничто. Каждый раз стоило мне сесть за работу, призрак Марии словно появлялся и напоминал о своём неверии в меня. Затем так же растворялся, оставляя меня с обжигающей пустотой, пока я смотрела на её успешную жизнь. Правда в том, что я злилась — но не на неё. На себя. За слабование, за клетку. Злилась только на себя. Всегда только на себя. Никогда ни на кого-то. Именно это медленно пожирало меня изнутри, кусочек за кусочком.

Все обои завешаны плакатами моих любимых книг, фильмов, строк из песен: «Iris» The Goo Goo Dolls, «Sweater Weather» The Neighbourhood и, конечно же, «because i liked a boy» Sabrina Carpenter. Провожу по картону в виде сердца пальцем, царапая кожу о края. Моему разбитому сердцу была необходима некая отдушина. Повесила эти строчки, чтобы помнить. Помнить, как Алан разбил мне сердце.

«Tell me who I am, guess I don't have a choice All because I liked a boy And all of this for what? When everything went down, we'd already broken up Please tell me who I am, guess I don't have a choice All because I liked a boy»

Глава 10

10 месяцев назад

Мы поцеловались.

Это произошло в моей комнате. Он снова пришёл ко мне в гости и остался до утра. В комнате было темно, только небольшой ночник освещал тёплым светом часть пространства. Мы ничего не делали — просто разговаривали обо всём на свете. Говорили о чём-то грустном, потому что он обнял меня, чтобы утешить, а затем взял за подбородок, развернул и поцеловал...

Мой первый поцелуй. Самый лучший поцелуй. Других у меня пока не было.

Я будто растворилась в нём. Его рука в моих волосах. Запах цитруса. Забыв обо всём насилии, боли, тяжести, я позволила себе расслабиться. Остался только он, его губы на моих, ощущение покоя и нарастающего жара по всему телу — как будто у меня температура тридцать семь и пять. Это был долгий жаркий поцелуй, после которого я себе уже не принадлежала.

На следующий день Алан пригласил меня на свидание. Боже, моё первое в жизни свидание. Ещё никто не целовал меня и не приглашал после на свидание!

Он повёл меня в парк развлечений. Первым делом купил мне розовую сладкую вату и уговорил пройти на колесо обозрения. Мне было страшно, но я согласилась. Мы поднимались высоко-высоко, и солнце палило нам в глаза. Погода была прекрасна. И он тоже. На нём была белая футболка поло, обтягивающая мышцы, и солнцезащитные очки, в которых он выглядел как модель.

Всё время, что мы провели на колесе обозрения, мы целовались. Мне было совсем не страшно. У меня захватывало дух, а в крови бурлил адреналин — и совсем не от высоты. Он. Его поцелуи так на меня влияли. Когда я сказала ему, что вообще-то боюсь высоты, он взял меня за подбородок, развернул к себе. На долю секунды моё тело замерло. Но он уже целовал меня в лоб. В щёки. В нос. В губы. И страх ушёл, сменившись щемящей нежностью в груди.

Боже, как он на меня смотрел. Его глаза горели. Они излучали столько тепла, что у меня защемило в груди. Ещё никто так на меня не смотрел. Впервые в жизни я почувствовала себя нужной и выбранной.

После мы, запыхавшиеся от поцелуев и страсти, вышли из кабины и побежали на автодром. Я несколько раз врезалась в него. Вела я просто ужасно, в отличие от него — Алан оказался прекрасным водителем.

Это был день, наполненный запахом варёной кукурузы, арбузного лимонада и розовой сладкой ваты. Такой же розовой, как и мои очки, через которые я смотрела на этого парня. Тогда я поняла, что совершенно точно потеряла от него голову.

Вечером мы лежали на моей кровати и обнимались под песню «Прощание» — «Три дня дождя». Всё перешло к поцелуям, и в тот момент, когда он начал пересекать черту, я дала заднюю и сказала:

— Давай немного остановимся, я просто... я... не могу. — Конечно. Ничего страшного. Я могу подождать, — с мягким акцентом пробормотал он мне в макушку.

Ночник освещал половину его лица. Он поцеловал меня — мягко, в уголок губ. Запах цитруса заполнил всё пространство. Под успокаивающее биение его сердца я закрыла глаза. В тот вечер я заснула счастливой на его груди.

Глава 11

10 месяцев назад

Алан пропал. Сначала говорил, что занят. Потом перестал отвечать. Я чувствовала, что что-то не так, но не понимала, что именно.

На улице всюду хлестал дождь, а на небе гремела гроза. Я боялась гроз. Казалось, они были предвестниками чего-то плохого.

Я шла по коридорам и чувствовала взгляды ребят на себе:

— Это она?— Ага, та самая.

Проигнорировав их, я зашла в туалет, но не успела и помыть руки, как меня окликнула блондинка.

— Эй, ты та самая Кристина? — вид у неё был грозный и решительный.— Я Кристиана. А что? — совершенно дружелюбно спросила я. Было ощущение, будто я чего-то недопонимаю.— А то, что ты спала с моим парнем. Вся общага про это знает. Шлюха. — И залепила мне пощёчину.— Какого парня? Ты о чём?— Алан. Знаешь такого?— Да.— Так вот он разболтал тут всем, что ты с ним кувыркалась. С. Моим. Парнем.— Этого не может быть. Нет. — Но мои слова на неё не подействовали.

Она стала меня бить. Схватила за волосы и впечатала лицом в раковину. Я успела выставить руки, но удар всё равно пришёлся в скулу. Вспышка света. Звон в ушах. Ноги подкосились, и я рухнула на кафедру. Плитка была ледяной. В висках стучало. Я попыталась вдохнуть — воздух застрял где-то в горле.

Она стала пинать меня ногами и возить за волосы по полу, пока другие девочки снимали это на камеру и подначивали её. Краем глаза я видела чьи-то кроссовки, чьи-то телефоны, слышала смех и подначивания. Коридор заполнялся людьми. На это шоу сходилась весь этаж.

— Я ничего не делала, клянусь. Между нами ничего не было. — Я уже не сдерживала слёзы и плакала, как ребёнок, перед этими девушками. Унижалась.

Блондинка избивала меня под раскаты грома, отчего становилось ещё страшнее. Закончив со мной, она напоследок сказала:

— Чтоб я тебя больше с ним не видела, иначе мало не покажется. — И затем она ушла. Оставив меня с разбитой губой и синяками по телу.

Я встала, отряхнулась и, расталкивая толпу, побежала к себе в комнату. Заперлась и, уткнувшись в розовую подушку с ядовитым запахом цитруса, стала кричать. Предатель. Предатель. Предатель. Как он мог так со мной поступить? Я же ему доверилась. Металлический привкус крови. Вот что оставил после себя Алан и моё бесконечно разбитое сердце.

Видео разлетелось по всем чатам нашей общаги, и меня заклеямили «шлюхой», которая спит с чужими парнями. Алан перестал отвечать на звонки и заблокировал меня.

Да, Алан выбросил меня из жизни, но это ещё не самое ужасное. Раз пятнадцать за всё лето он проходил мимо меня в коридоре с той блондинкой, не удостоив меня и одного паршивого взгляда. Вот что убило меня окончательно. Он смотрел на меня — точнее, совсем не смотрел, делая вид, будто между нами ничего не было. Что странно — ведь это он разболтал всем, будто у нас всё было. И теперь стоило мне выйти из комнаты, как все начинали шептаться за спиной.

Я стала бояться выходить из комнаты. Моя раковина — теперь единственное безопасное место. Здесь хотя бы никто не бил.

Глава 12

На колонке тихо заиграла песня «traitor» Оливии Родриго — как раз в тему, подумала я, прогоняя воспоминания об Алане и смахивая застывшие в глазах слёзы. «Нет, — сказала я себе, — сегодня плакать я не буду. Хотя бы сегодня». Лёжа на кровати, я укуталась в серый плед, и где-то на подкорке зазвучали строки из песни, ставшей гимном моих отношений, — «The winner takes it all» группы ABBA. Да, кажется, проиграла я и в дружбе, и в любви.

Из моих размышлений меня вырвал стук в дверь. Холод прошёлся по всему моему телу. Кто мог ко мне просто так прийти вечером? Открыв дрожащей рукой дверь, я увидела пару пронзительных голубых глаз, смотревших на меня с теплотой.

— Игорь, — выдохнула я.

Игорь с ирисами в руках.

— Подумал, тебе захочется чем-то перебить запах плесени, — пробормотал он, заходя в комнату.

На нём был красный свитер, и, как всегда, от него пахло мускусом и уличным холодом.

— Боже, Игорь. Спасибо большое. В этой комнате на этот раз найдётся ваза.

Набрав в вазу воды, я поставила цветы на подоконник, включила чайник и села на кровать рядом с моим лучшим другом.

— Так как ты?

— Нормально. Я всегда в порядке, — почти шёпотом пробормотала я. — На самом деле приступ уже прошёл, я принимаю таблетки, так что всё хорошо. Тебе чай с сахаром?

— Да, ты же знаешь, всегда с сахаром.

— Боже, как ты это пьёшь? Не понимаю, как можно пить чай с сахаром. Это ужасно.

— Ну а я не понимаю, как можно пить горький чай без сахара. Постой, а тебе разве можно пить чай?

— Уже успел ознакомиться с моей диетой? — он коротко кивнул. — Вообще нельзя, то есть можно, но не крепкий, но мне всё равно, ты же знаешь. — Он протянул мне кружку. Мои пальцы коснулись его пальцев — и я отдёрнула руку, сделав вид, что чай слишком горячий.

Мой друг устроился за столом с кружкой обжигающего чая, пока я осталась на своём сером пледе. Мы сидели так в полном блаженном молчании под песню «Wings» Birdy.

Сказать, что Игорь был моим лучшим другом, было бы преуменьшением века. Он был моим единственным другом. Единственным, кто поверил мне. Кто подставил своё плечо в трудный момент и стоял за меня горой. Однако было очевидно, что цветы, его визиты, билеты на концерт — всё это... было намёком на нечто большее. Вопрос в том, могла ли я ему это дать? Вот на это ответа у меня не было...

— Чего притихла? — спросил он, отрываясь от своей кружки. — Кстати, я уже говорил, как мне нравится твой плейлист?

— Кажется, ещё нет, — хихикнула я. — Вообще, знаешь, тут немного пыльно, я собиралась убираться здесь до того, как ты пришёл.

— Всё нормально, здесь прекрасно.

— Прекрасно? Ну, это вряд ли. Здесь ужасно: стоит открыть окно — столько пыли, тараканы и плесень...

— Но ты всё равно любишь эту маленькую каморку?

— Конечно. Что бы я ни говорила об этой комнате, она была моей крепостью, единственным убежищем от злого и опасного мира.

— Ты, кажется, переделала стену.

— Да, перед тем как попала в больницу, я немного... ну, знаешь, добавила несколько картинок и фотографий.

— Да, ты на них очень красивая.

— Спасибо, — густо покраснев, ответила я.

— Всегда пожалуйста, — ничуть не смутившись, ответил он. — Ладушки, мне пора к себе, а тебе — приятной уборки и одинокого чаепития, заодно мой чай допьёшь.

С этими словами он поднялся, но остановился посередине комнаты, повернулся, наклонился ко мне. Сердце пропустило удар. Я могла слышать его дыхание и чувствовать тепло на своей коже. Мои пальцы вцепились в серый плед. Хотела ли я этого? Не знаю. А потом я почувствовала его губы на своей щеке.

И вот так, оставив мне невинный поцелуй, мой друг ушёл к себе. Заставив меня гадать: что вообще это было?

Я сидела на кровати и глупо смотрела на ирисы. Они пахли надеждой. Игорем.

Глава 13

Я не садилась за занятия две недели. Нет, больше. Куда больше. Но после выписки из больницы это совсем другое, и я не могла взять себя в руки. По правде говоря, я никогда не могла взять себя в руки. Потёртый томик Сильвии Плат «Под стеклянным колпаком» так и лежал нетронутым на столе. Единственное, на что меня хватило, — это сделать заново уборку. Очиститься.

По комнате витал запах лаванды — таким средством для мытья полов я пользовалась. Под «jealousy, jealousy» Оливии Родриго поздно ночью, чтобы меня никто не увидел, я тёрла пол тряпкой, пока не заболели колени. Запах лаванды смешивался с плесенью — как и всё в этой комнате. А я всё размышляла: когда я успела так забросить себя? Неужели это всё уход Марии? Или Алан? Можно ли вообще кого-то винить в том, что со мной происходит? Может, я просто родилась такой — испорченной, с токсинами внутри.

Я правда старалась быть такой, как Мария, или как любая другая нормальная девушка моего возраста, которая должна думать о карьере и будущем. Только меня неизменно тянуло в прошлое. Что бы я себе ни говорила, я не могла перестать обижаться на Марию и винить её в уходе. Просто не могла, это было выше моих сил. Как же меня бесило, что я вот так вот заиклена на ней с Аланом. Всё, что было с тем парнем, было ужасно. Но его уход не ударил по мне так, как уход подруги. Боже, да у меня даже язык не поворачивается назвать её так, хотя в прошлом она была лучшей. Лучшей и единственной. Учítывая, что я не особо люблю приближать к себе людей, друзей у меня не особо много...

А ещё я ей завидовала. Как же я ей завидовала. Этой возможности выходить из дома без леденящего душу страха. Выполнять каждый день дела из списка с энтузиазмом или хотя бы пародией на него. Она не знала, что такое просыпаться каждый день и заставлять себя прожить этот день. Она не знала, что такое бояться выйти из дома и ловить панику каждый раз, оказываясь снаружи, бросая свою конуру. Она не знала, что такое моя жизнь, а я не знала, что такое её жизнь. Ненавидя себя за то, какая я есть, я пыталась идти дальше, только вот тело оцепенело и не двигалось. Жизнь проходила мимо. Я лишь была наблюдателем крушения этого корабля без возможности что-либо сделать.

Заиграла песня «Dancing with Your Ghost» автора Sasha Alex Sloan. И правда, всё, что я делаю, — это «танцую» с призраком Марии в немом диалоге и без возможности выиграть. Меня тошнило от неё. Тошнило от себя. Но я не могла остановиться. Я словно застряла на этом моменте жизни.

Я отжала тряпку и села на мокрый пол. Ирисы на подоконнике умирали — вода в банке позеленела. Как и всё, что требовало от меня хоть немного жизни. Последний аккорд затих. Всегда проигравшая. Никогда победитель.

Глава 14

Как я и обещала Игорю, мы пошли на концерт. Набралась храбрости выйти из дома: оделась в яркий синий топ с пайетками и джинсы клёш, сделала макияж в стиле гранж, надушилась любимыми духами. Хотя бы на секундочку почувствовать себя прежней. Той, кем я была когда-то.

Правда, мы с другом слегка опоздали. Площадка уже была заполнена толпой людей. Боже, как я не люблю толпу. Я знаю, я согласилась пойти. Я люблю концерты, но каждый раз, оказываясь в толпе, я чувствую лёгкую панику. Почувствовав дрожь моих пальцев, Игорь сжал мою руку и прошептал:

— Всё хорошо, не позволяй этой панике испортить тебе вечер.— Ты прав, — воодушевившись, ответила я ему и посмотрела в родные голубые глаза, которые при свете софитов горели ещё ярче. Огонь в них не был тем, что горел в глазах Алана, — наоборот, он внушал надёжность и безопасность.

Начался концерт. Глеб, «Три дня дождя», вышел на сцену. Игорь стоял рядом, почти касаясь плечом. Я чувствовала, как внутри закипает нетерпение — почти радость. Я ещё никогда не слышала песни этого артиста вживую. В воздухе витал табачный дым пополам с алко-голем — Игорь заботливо предлагал мне выпить, но я отказалась. Между мной и моим "лучшим" другом всё вибрировало от напряжения и невысказанных слов. Я старалась не обращать на это внимания и оставить на потом. Зазвучали первые аккорды — и я наконец расслабилась, позволяя музыке сделать то, чего я сама не умела: вытащить меня из моей головы в тело.

На «Перезаряжай» мы уже не стояли — прыгали, вскидывая руки, и орали слова так громко, что на следующее утро гарантированно сядет голос. Толпа вокруг исчезла — остался только ритм, отдающийся в ногах, мой смех и его улыбка.

На песне «Стекло» я чуть не разревелась. Эта песня так сильно запала мне в душу, что услышать её вживую было похоже на удар под дых — резкий, выбивающий воздух и отправляющий меня в пучину моих внутренних переживаний.

Накинув длинное чёрное пальто, я вышла из клуба под ручку с Игорем и не смогла сдержаться, чтобы не сказать:

— Это было нечто, — возбуждённо проговорила я, дрожа от холода.— Ага, слышал, как он спел песню «Стекло»? Меня прям пробрало, — воодушевлённо ответил он.— Меня тоже пробрало.— Ой, тебе холодно, держи. — Он укутал меня в свой чёрный шерстяной шарф и сказал: — Согрейся.— Спасибо... не стоило.— Да пустяки.— Слушай, давай немного прогуляемся.— Давай.

В сквере пахло мокрой землёй и холодным мартом. Разноцветные фонарики горели над головой — розовый, голубой, фиолетовый.

— Спасибо за вечер, правда.— Пустяки.— Нет, не... мне это нужно было, и для меня это много значит, спасибо.— Для меня тоже это много значит... ты для меня много значишь... — Пристально посмотрев мне в глаза, он заправил выбившуюся прядь моих волос за ухо и провёл ледяными пальцами по моему подбородку. И тогда — под усыпанным звёздами небом и под песню «Прощание», которую распевали ребята у клуба, — я позволила ему себя поцеловать.

Губы со вкусом мяты обещали мне спокойствие и безопасность, поэтому я сдалась и отдалась этому поцелую сполна. Друг? Можно ли его было теперь так назвать? Наверное, нет. Наверное, мы перешли черту.

Вдруг я вспомнила слова Марии по поводу Алана: «Я вижу, как он вешает тебе лапшу на уши, она буквально свисает с твоих волос».

И тогда я поняла. Игорь не сделает мне больно. Просто не сможет. Ведь его я не люблю. Я поняла это — и ничего не почувствовала. Совсем.

Глава 15

Мы лежали на моей кровати. Зелёные звёздочки на потолке от проектора то появлялись, то исчезали. Эти звёзды были такими же искусственными, как мои чувства к этому парню. Уткнувшись носом ему в грудь, я прокручивала в голове наш разговор после поцелуя:

— Ну вот.— Ну вот.— Да.— Эм... хочешь быть моей девушкой?— Что?— Я просто... Кристиана, ты мне нравишься, правда, очень-очень сильно, я бы хотел, чтобы между нами было нечто большее, чем есть сейчас. Но... как ты на это смотришь? — сказал он.

И тогда я ответила ему то, что удивило меня саму:

— Я согласна. То есть я тоже бы этого хотела.— Правда? Как камень с души. Я так долго ждал, ещё с прошлого года, а потом появился этот иностранец, и я просто... прости, что про него напоминаю.— Ничего страшного, всё в прошлом.— Ты уверена? — неуверенно спросил он.— Да, конечно.— Итак, значит, ты теперь моя девушка...— Ага, а ты мой парень, — произнесла я, не веря своим словам.

Я лежала и пыталась уснуть, но сон никак не шёл, вместо него — мысли: правильно ли я поступаю? Любила ли я Алана? Скорее всего, нет. А Игоря? Он хороший, добрый, надёжный, он ведь потрясающий, почему же я тогда чувствую, что предаю не только его, но и себя?

От мыслей меня отвлекла вибрация в телефоне. Открыв его, я почувствовала белый шум в ушах. Рука дрожит. Экран. Аватар. Его. Я увидела его. Алана. Сердце ударило в горло. Воздух застрял где-то в трахее. Все фотографии. Все сердечки. Он всё просмотрел. Тошнота подкатила к самому горлу. Он вернулся. Шрамы на ногах зачесались. Те самые. Те, что я сделала, когда он ушёл. Он всё знает. Он видит меня. Я нажала «заблокировать» — палец сорвался, попал не туда. Душ. Мне нужен душ.

Скинув с себя одежду, я забежала в кабинку и села на корточки в попытках подавить рыдания. Всё тщетно. Я снова прокручивала в голове события прошлого лета и рыдала навзрыд под аккомпанемент обжигающей кожу воды.

Я сидела на корточках, зажав рот, чтобы не закричать. Плесень на стене. Чьи-то волосы на полу. Тут в голове вспыхнул флэшбэк-воспоминание и тот самый голос: «Это наш с тобой секрет». «Это наш с тобой секрет». Рыдания душили — ни выдохнуть, ни вдохнуть. Я давилась слезами, водой, голосом, который никак не затыкался. «Это наш с тобой секрет». Воздух кончился. Вода кончилась. Я осталась.

Вернувшись в комнату, я увидела мирно спящего Игоря, который не догадывался ни о порезах на ногах, ни о моём самом большом секрете, ни о чём. С ним можно начать всё заново.

Глава 16

10 месяцев назад

Солнце пробивалось из-за туч, а я уже третий день валялась в кровати Марии. После того позорного дня — со вкусом крови на губах — я сбежала к ней, пока её семья уехала и она жила одна.

— Вставай, соня, ты не можешь прятаться в кровати вечно, — проговорила Мария, и я сильнее укуталась в одеяло.

— Могу, — буркнула я из-под одеяла.

— Смотри, я тебя вижу, — она приподняла белое одеяло. — Нашла, нашла тебя. А если серьёзно, ты не чистила зубы уже несколько дней, и не мылась, и даже толком не ела. Это начинает пугать. — Она странно посмотрела на меня — как будто хотела что-то сказать, но передумала. Я не придавала этому значения. Зря.

— Всё хорошо. Просто немного устала.

— От тебя уже пахнет.

— Неправда.

— Правда-правда, вонючка-вонючка, — смеясь, произнесла она. — Всё, так дальше продолжаться не может, не хочешь вставать — я тебя за ноги отсюда вытащу сама, — она принялась тащить меня за ноги с кровати.

— Ладно, ладно, только прекрати, — смеясь, проговорила я. — Встаю, встаю.

— Так-то лучше. Кристиана должна почистить зубки и показать всей общаге свои коготки, особенно Алану и его подружке, как там её зовут?

— Аня.

— Аня? На самом деле не имеет значения. Эта белобрысая должна увидеть, что ты не закрылась в раковине после всего, а живёшь свою жизнь и плевать на всех. Так?

— Так.

Когда мы пришли в ванну, она всучила мне зубную щётку и пасту, села на унитаз и следила, чтобы я не отлынивая выполнила свою работу. От неё пахло чем-то цитрусовым — но не так, как от Алана. У Марии это был запах апельсинового сока и солнца.

— Всё, теперь в душ, и я приготовлю завтрак.

— Скорее обед.

— Скорее ужин, уже пять часов вечера, я успела и позавтракать, и пообедать.

— Спасибо, что возишься со мной.

— Ну кто-то же должен это делать, и потом я люблю тебя, ладно, ты меня не заболтаешь, иди в душ.

После душа я высушила голову её феном, переоделась в её одежду, села есть приготовленный ею завтрак, или, будь то, обед или ужин.

— Так как ты у меня последний день, предлагаю пойти погулять.

— Может, не стоит.

— Стоит-стоит. Тебя надо немного взбодрить.

— Меня взбодрил холодный душ.

— Хорошая уловка, но я знаю, ты моешься только в горячей воде.

— Спасибо за завтрак. Или обед. Или ужин.

Мария скрестила руки на груди и выжидающе на меня посмотрела.

— Кристиана?

— Да, мы пойдём гулять.

Вечером мы бегали под мелким дождём на площадке и катались на качелях — это Мария имела в виду под «взбодриться»: прогулка под дождём, после которой снова в душ. Однако

это не имело значения. Всё, что было важно, — это моя лучшая подруга, которая изображала птицу, а по её солнечному лицу падали капли дождя. Она и правда была свободна, как птица. Живая. Её улыбка ослепляла и наполняла солнцем всё вокруг. В отличие от хмурой меня. Но вот только, глядя на неё, я сама невольно улыбалась и думала, как же мне повезло с ней. С Марией. С моей лучшей подругой, которая всегда со мной.

Глава 17

Утро стало приятным сюрпризом для меня, когда пришёл Игорь и спросил:

— Ты была когда-нибудь на свидании?— Нет, — соврала я. Заново. Ты начинаешь всё заново. Помни.

К восьми часам вечера я была уже накрашена и одета в красное платье с пайетками. Я посмотрелась в зеркало — без лишней скромности, выглядела идеально для своего первого настоящего свидания. На пути к новой жизни меня ждало первое испытание — выйти из дома. Вроде бы просто. Но нет. Страшно. Во всём, что я делаю, меня обуревают страх.

Мы встретились у входа в общежитие. Он ждал меня с широкой улыбкой на лице и в чёрном пальто.

— Ну что, готова? — уверенно спросил он.— К чему? — нерешительно ответила я. — Садись.— Мы поедem на такси?— Ну не на автобусе же.— А я думала, на автобусе, даже колготки тёплые надела.— Это хорошо, хотя бы не замёрзнешь.

Ресторан. Он повёл меня в ресторан. Это было приятное место из двух этажей. Мы разместились на втором. Здесь пахло дорогой жизнью, к которой я, по всей видимости, была не готова, потому что чувствовала себя не в своей тарелке.

— Ну что, будешь заказывать?— Не знаю. А ты что будешь? Вот и первая тема для разговора — я никогда не была в ресторане.— Как и на свидании, — ответил он, многозначительно подняв бровь.— Да, как и на свидании.— Это, кстати, моё любимое место.— Ого, не знала, что ты любитель ресторанов.— Работа в компании позволяет.

Мне вдруг стало стыдно, что я так мало о нём знаю. Я скорее тот, кто больше говорит, чем тот, кто слушает. Не то качество, что так любят люди. Они хотят, чтобы слушали их. Никак не слушать других. Может, это и была ещё одна моя проблема. За что, интересно, я нравлюсь Игорю? Почему он возится со мной?

— О чём задумалась?— Да так... Игорь, скажи честно, почему я тебе нравлюсь?— Хочешь честно?— Да.— Я не знаю. Честно, не знаю. Просто... мне нравится, как ты смеёшься, твоя улыбка. Знаешь, за последнее время это редкое явление, возможно, поэтому я и влюбился. Я не знаю. Ты просто есть. А я просто влюблён. Прости, я не могу сказать ничего красивого.— И не нужно, — я под села к нему и крепко поцеловала в губы. Это не был огонь, обжигающий до кончиков пальцев. Это не было сбивчивым дыханием. Но это было неплохо. Его тёплые губы ощущались как воздух после дождя. Как тишина после грома.— Слушай, если тебе некомфортно здесь, можем пойти в другое место, — ответил он после моего поцелуя.

Час спустя мы сидели в полупустом кафе фастфуда и ели картофель фри с бургерами и милкшейк. За окном светили фонари, поливая нас тёплым светом. Мы сидели напротив друг друга.

— Так, значит, это твоё идеальное свидание?— Да. Ты показал мне своё любимое место, а я тебе — своё.— Фастфуд возле общаги?— Ага. Моё любимое место. Но это ещё не конец вечера. Сейчас мы пойдём ко мне в комнату посмотреть «Грозовой перевал» и захватим попкорн.— Идеально.

Глава 18

7 месяцев назад

— Послушай, мне надо тебе кое-что сказать, — начала Мария, когда вечером перед моим отъездом домой мы украшали пряничный домик. — Да, конечно, говори. — Я не знаю, как начать. — Говори, что думаешь, я тебя пойму. — Почему ты не уходишь, когда с тобой плохо обращаются? — Что? Что ты имеешь в виду? — Просто... я думала, может, ты уйдёшь сама. После того, первого разговора. Тогда бы мне не пришлось... Может, нам сделать паузу? Я больше так не могу. Мне тяжело. — О чём ты? — О твоей жизни. О твоей вечной грусти. Мне тяжело, понимаешь? Раньше нам было весело, а теперь мы только и делаем, что обсуждаем, как всё плохо. Ты не развиваешься, ты стоишь на месте. Я пашу, а ты сидишь в четырёх стенах. Я так больше не могу.

Я ничего не слышала дальше. Будто заложило уши. Всё, что я слышала, — это ультразвук. Я всё смотрела на нашу фотографию у неё на тумбочке слева и думала: может, стоило подарить ей её в розовой, а не зелёной рамке.

— Ты не стремишься работать. За тебя платит отец. Ты стремишься стать моей семьёй, но мне не нужна ещё одна сестра. Я не хочу, чтобы ты искала дом в моём доме. — Кристиана, ты меня слышишь? — спросила Мария. — Конечно, — спокойно ответила я, — я тебя слышу. — Я бы хотела дружить с кем-то, кто не тянет меня на дно. Прости, но это так.

Сейчас мне хотелось разбить эту фотографию. Протянуть руку, смахнуть — чтобы она разлетелась на миллион осколков, как моё сердце.

Тут зашла её мама и спросила: — Девочки, всё хорошо? — Да, конечно, — на автомате ответила я. — Сейчас договорим, и я поеду.

Дверь закрылась со скрипом, как и вход в моё сердце с тех пор. Пряничный домик так и стоял недостроенный, а слова «Я тебя люблю. Не уходи» застряли где-то в горле. В комнате пахло сладостями. Как в детстве.

— Обычно говорят: «Дело не в тебе, а во мне». Но тут — наоборот. Дело во мне. Я всё понимаю. Я не обижаюсь. — Правда? — Да... конечно, — ответила я, хотя ком в горле не давал так бесстрастно отвечать, как бы я того хотела. — Но мы же ещё будем общаться? — спросила Мария со слезами на глазах.

Она плакала? Почему я не заметила? Её лицо больше не светилось, светло-русые кудрявые волосы больше не напоминали солнце вокруг её лица. Это я с ней такое сотворила?

— Да, конечно. — Хватит говорить «да конечно». — А что ты хочешь от меня услышать? Мария, я тебя понимаю.

Через пятнадцать минут мы стояли у моего такси. Под дождём. Она проводила меня до двери. Мы молчали. До лифта, где мы молчали. И сейчас мы молчали. И в этом молчании было так много невысказанных слов. Ей жаль. Я знаю. Мне тоже. Тоже жаль.

Стоя там, у такси, я крепко обняла её. Наверное, так крепко я ещё её не обнимала никогда. Я хотела, чтобы она почувствовала, как нужна мне. Отстранившись, я сделала над собой усилие, дабы не обнять её второй раз. Села в такси и уехала. Я даже не взглянула на неё. И только когда мы оказались на безопасном расстоянии от её дома, я позволила развязаться кому в горле, и слёзы хлынули обжигающим потоком, который я была не в силах остановить. Я попросила таксиста остановиться дальше от дома. Зачем? Не знаю. Наверное, я хотела простудиться под дождём. Раскаты грома пугали меня, но не так сильно, как реальность. Я всё шла под дождём с тяжёлой сумкой, купленной специально для ночёвок с Марией, горячие слёзы перемешивались с ледяным осенним дождём, а я всё думала: почему человек, которому я дала ключи от всех своих секретов, доверила душу, не знал меня достаточно, чтобы понять, чтобы остаться? Почему меня не было достаточно?

Почему?Почему?Почему?